

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.13>

Куценко Борис Олегович

Военно-политическое сотрудничество Китая и Японии в 1904 г.

Целью исследования является определение особенностей политики Китая в период Русско-японской войны, причин формирования его политического курса, а также степени вовлеченности Поднебесной в боевые действия на Маньчжурском театре в 1904 г. В статье описывается помощь, оказывавшаяся империей Богдыхана Японии в политической, военной и экономической сферах. Фактический материал, опубликованный в данной работе, наглядно показывает влияние военно-экономической политики Китая на ход боевых действий противоборствующих сторон в 1904 г. Научная новизна работы заключается в результатах анализа впервые опубликованных источников, демонстрирующих влияние Китая на события Русско-японской войны. Полученные результаты исследования позволили выявить косвенные причины, определявшие специфику стратегии и тактики развертывания армии Российской империи, а также определить дополнительные факторы, способствовавшие активизации военной экспансии Японии в Юго-Восточной Азии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/7/13.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 71-78. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

История международных отношений и внешней политики

History of International Relations and Foreign Policy

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.13>

Дата поступления рукописи: 30.05.2020

*Целью исследования является определение особенностей политики Китая в период Русско-японской войны, причин формирования его политического курса, а также степени вовлеченности Поднебесной в боевые действия на Маньчжурском театре в 1904 г. В статье описывается помощь, оказывавшаяся империей Богдыхана Японии в политической, военной и экономической сферах. Фактический материал, опубликованный в данной работе, наглядно показывает влияние военно-экономической политики Китая на ход боевых действий противоборствующих сторон в 1904 г. **Научная новизна** работы заключается в результатах анализа впервые опубликованных источников, демонстрирующих влияние Китая на события Русско-японской войны. **Полученные результаты** исследования позволили выявить косвенные причины, определявшие специфику стратегии и тактики развертывания армии Российской империи, а также определить дополнительные факторы, способствовавшие активизации военной экспансии Японии в Юго-Восточной Азии.*

Ключевые слова и фразы: Китай; Николай II; Русско-японская война; Российская империя; Юаншикай.

Куценко Борис Олегович, к. филос. н.

г. Москва

kutsenko.relig@gmail.com

Военно-политическое сотрудничество Китая и Японии в 1904 г.

Данное исследование посвящено малоизученной научной проблеме взаимодействия Китайской и Японской империй в период Русско-японской войны 1904-1905 гг. **Актуальность** работы определяется особенностью исследуемого исторического процесса, становлением и пересечением в этом регионе мира интересов различных государств, повлиявших на формирование геополитической структуры современного мира, и заключается в возможности на основании введенных в научный оборот источников рассмотреть и оценить действия противоборствующих сторон на сухопутном театре военных действий в Маньчжурии.

Для достижения поставленной выше цели в статье были решены следующие **задачи**: проанализированы источники, позволяющие оценить политическую, экономическую и военную помощь Поднебесной, непосредственно оказанную Японии в 1904 г.; описаны действия и маневры китайской армии на своей территории, оказавшие влияние на изменение стратегии и тактики русской армии; продемонстрирована китайская помощь японской стороне конфликта в проведении диверсий на коммуникациях русской армии. В **теоретическую базу** данной работы вошли источники Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), английская периодика 1904 г. (газеты "The Pioneer", "Times of India"), работы военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны (1910 г.), а также исследования А. И. Андреева, В. А. Апушкина, М. Кристофера, А. Н. Куропаткина, А. Б. Спесваковского, А. А. Строкова, А. Б. Широкограда.

Основными **методами исследования** являются методы анализа, синтеза, конкретно-исторический метод и метод сравнительного анализа, примененные к научной проблеме политики китайской монархии в сложных геополитических условиях Русско-японской войны.

Практическая значимость работы состоит в возможности реализации новых подходов и использовании введенного в научный оборот комплекса источников при дальнейших исследованиях актуальных проблем военной истории, внутренней политики и дипломатии Китая, связанных с событиями Русско-японской войны.

В начале XX века Китайская империя находилась в сложной политической ситуации. Проиграв войну с Японией в 1894-1895 гг., а затем подвергнувшись частичной оккупации после подавления «восстания боксеров», империя Богдыхана стремилась вернуть утерянные позиции и выйти из-под жесткого диктата европейских держав. Наибольшую опасность для китайской государственности представляла в тот момент Российская империя, которая, введя свои войска на территорию Маньчжурии, в общем, не спешила ее покидать и развивала на землях Поднебесной активную экономическую деятельность, проводя по отношению к китайским властям жесткий политический курс. Также китайское правительство было сильно обеспокоено

активизацией российской политики в Монголии, Кашгарии, Восточном Туркестане и Тибете, с которым в 1901 г. Николаем II были установлены дипломатические отношения [1, с. 95]. В таких условиях было очевидно, что раздел китайских земель между ведущими европейскими странами мог продолжиться при первых удобных для этого обстоятельствах.

Армия Китая была малочисленна и плохо вооружена. Ее перемещения и попытки модернизации отслеживались русской разведкой и при необходимости жестко и оперативно пресекались дипломатическим путем. На народное восстание надеяться было тоже нецелесообразно, так как Российская империя оно быстро и эффективно подавила всего несколько лет тому назад, причем малыми силами. В этих условиях конфликт России с Британской империей и начавшаяся война с Японией, казалось, являлись для империи Богдыхана шансом на спасение. В правительстве Китая была сильная прояпонская партия. Ее наиболее влиятельные представители – аристократы генерал Ма и генерал Юаншикай – были, по данным русской разведки, японофилами [3, д. 54, л. 160], министр иностранных дел Китая также занял свой пост благодаря японскому влиянию. Перед этим он непосредственно выполнял миссию китайского посла в Токио.

Естественно, Китай готовился к ситуации возможного военного конфликта России и Японии заранее. Предварительно в Страну восходящего солнца для переподготовки направлялись китайские военнослужащие. Только в двух крупнейших высших военных заведениях преподавало более 30 японцев [Там же, л. 281], а действующие части официально были укомплектованы японскими инструкторами [Там же, л. 184]. Центральные и северные провинции Китая в предвоенный период насыщаются подданными Ямато. Многие из них носили китайское платье и старались сливаться с местным населением [Там же, л. 160].

В самом начале боевых действий на русско-японских фронтах китайская армия стала активно менять традиционное обмундирование и амуницию на форму японского образца. Создавались отдельные части и корпуса, полностью укомплектованные по японскому стандарту [Там же]. Даже китайские подданные не всегда отличали эти подразделения от японских, что порождало множество слухов, принимаемых разведками европейских стран за «чистую монету». К примеру, немецкая разведка была абсолютно уверена, что в составе китайской армии появились многочисленные японские подразделения. Граф Касини в секретной телеграмме от 24 марта 1904 г. сообщал Николаю II следующее: *«Германский посоль сообщил мне, что он узнал из верного источника будто в корпусе генерала Юаншикай и Ма находится много японских офицеров и особенно много унтер-офицеров»* [Там же, л. 102].

Все эти действия китайской монархии внимательно анализировались русскими военным и дипломатическим ведомствами. Административная политика Богдыхана и тесное военное сотрудничество Китая с Японией вызывали у русского правительства определенную настороженность, но, с другой стороны, слабые оснащённость и подготовка китайской армии заставляли относиться к этим «реформам» скорее с любопытством, чем с обеспокоенностью. При этом нужно отметить, что часть российских политиков вполне адекватно оценивали потенциальную китайскую угрозу, способную стать реальностью в сложных и критических ситуациях. К примеру, действительный статский советник П. А. Бадмаев уже в начале Русско-японской войны предлагал вывести русские войска из Маньчжурии, дабы избежать опасности войны на два фронта, сделав в этой ситуации Китай своим естественным союзником [Там же, д. 581, л. 25].

В тот момент никто не прислушался к П. А. Бадмаеву, а его настойчивые заявления привели лишь к потере доверия Императора [Там же, л. 51] и временному отстранению его от двора. Николай II в своей резолюции написал следующее: *«Къ сожалѣнію Я больше не доверяю словамъ Бадмаева»* [Там же]. Все считали, что Китай в подобной ситуации не является фактором, который необходимо серьезно учитывать. Последующие события подтвердили авторитет П. А. Бадмаева как политика и военного стратега, и с 1906 г. он принимает активное участие в новых государственных проектах. Его стратегический план противодействия японской агрессии был практически полностью повторен в газете REVUE DE PARIS уже французскими военными аналитиками на одиннадцатом месяце войны, когда конфигурация сил на сухопутном театре стала очевидной, но время было упущено, и исторический процесс пошел несколько в другом направлении [Там же, д. 62, л. 146]. В феврале из русских представительств в Британской Индии поступают тревожные сведения о популярности политической позиции Японии среди многих азиатских государств и начале формирования в английской прессе представления о Стране восходящего солнца как представительнице интересов Азии [4, д. 927, л. 14].

20 января 1904 г. государю императору было передано первое официальное сообщение о подготовке Китая к Русско-японской войне с целью участия в ней на стороне Японии [3, д. 52, л. 114]. Но этой информации не придавали особого значения, так как основное внимание Николая II и его военного ведомства было сконцентрировано на политике Германии, военная мощь которой представлялась Генеральному Штабу главной опасностью Русско-японской войны [6, с. 77].

В начале февраля Генеральным Штабом отмечаются незначительные перемещения китайских войск в северные провинции. Затем, когда выяснилось, что данная перегруппировка имеет стратегический характер, ее интенсивность увеличилась, а концентрация войск стала представлять угрозу для русской группировки в Маньчжурии, только после этих событий в стратегических планах войны с Японией китайский фактор стал рассматриваться серьезно.

1 марта 1904 г. генерал-адъютант М. В. Алексеев писал: *«По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, несмотря на состоявшийся протестъ, китайскіе войска продолжаютъ сосредотачиваться къ западу отъ Синминпинской железной дороги. Так 10.000 корпусъ Ма находится въ пути. Между Тунчжоу и Чаояномъ, Дзинь хе минь, Гуань нинь сянь усилена охрана Синминской железной дороги, причемъ на каждой станціи численность постовъ доведена до 40-50 человекъ. Все эти действия имеютъ характеръ военныхъ приготовлений»* [3, д. 53, л. 287].

Общая численность только одновременно перебрасываемых к границам Маньчжурии войск составляла, по оперативным данным, не менее 70 тысяч человек [7, с. 83]. Ситуация становилась напряженной. Вскоре серьезность создавшегося положения потребовала личного вмешательства в дипломатический процесс непосредственно императора. 8 марта Николай II написал следующую резолюцию: *«Передайте Лессару резко заявить Китаю, что если он не прекратит немедленно посылать войска къ району возможныхъ военныхъ действий, Манчжурія будетъ присоединена къ Россіи теперь же»* [3, д. 53, л. 292].

7 марта стало известно о том, что китайские власти спасли с затонувшего японского миноносца моряков (судно было потоплено во время атаки на Порт-Артур) и передали их на японский крейсер в Чиндоу [Там же]. По международному праву того времени, моряки должны были быть интернированы нейтральным государством. В связи с этим данное событие было первым случаем явного нарушения нейтралитета Китаем в Русско-японской войне. 14 мая была проведена первая совместная операция Поднебесной с японскими регулярными частями. Китайские формирования неожиданно захватывают порт Дальний и, обеспечив сохранность портового оборудования и инфраструктуры, 15 мая передают объект японцам [2, с. 69]. В официальных отчетах отмечалось, что стратегическую операцию провели «Хунхузы», и китайские власти не имели к этим событиям никакого отношения.

Вскоре стало понятно, на чем основывается оптимизм китайских военных. По данным русской разведки, Китай при посредничестве английской стороны пытался приобрести в Италии 600000 ружей швейцарской системы Ветерле и партию пушек [3, д. 53, л. 321]. Как известно, в этот момент Англия состояла в военном союзе с Японией и располагала в отличие от Китая дипломатическими ресурсами для проведения подобной сделки. В случае если бы она состоялась, не было никаких сомнений в быстрой доставке всей партии оружия к месту боевых действий, и это могло серьезно повлиять на изменение баланса сил в регионе Юго-Восточной Азии. Естественно, все влияние русской дипломатии было использовано для предотвращения этой сделки. По причине того, что резко усиление Китая было невыгодно не только России, но также Франции и Германии, приостановить эту братскую помощь империи Богдыхана было вполне возможно. Уже 4 марта были получены сведения от итальянского военного министерства о том, что переговоры о продаже партии винтовок действительно шли, и Италия заинтересована в их продаже, но *«сознавая, что въ высшей степени нежелательно способствовать вооруженію Китая, оно обещало принять меры предосторожности для предотвращения такой случайности»* [Там же, д. 54, л. 7].

Достаточно быстро Российская империя добилась поддержки своей позиции по вопросу концентрации китайских войск у оперативных линий маньчжурской армии от Франции и Германии. Эти ведущие державы официально сделали Китаю категорический выговор по поводу перегруппировки его войск возле Маньчжурии [Там же, д. 53, л. 338]. Данные дипломатические шаги хоть и действовали на китайскую сторону отрезвляюще, но тем не менее сами по себе уже не могли остановить начавшийся процесс. На стороне Китая неожиданно выступили США. Их представитель присоединился к мнению Японии, *«что не только право, но и обязанность Китая иметь достаточные силы на границахъ, для охраны своего нейтралитета»* [Там же, л. 382].

Русская разведка к этому времени смогла определить стратегические цели Китая в регионе. Было понятно, что в сложившейся ситуации империя Богдыхана была не готова первой начать боевые действия. Тем не менее просачивающиеся сведения об интенсивных переговорах его представителей с японской стороной определенно указывали на агрессивные планы китайского правительства. В секретной телеграмме действительный статский советник П. М. Лессар докладывал Николаю II: *«Китайцы готовятъ значительную силу, которая можетъ быть употреблена противъ насъ. Они рассчитываютъ, что если бы по ходу дель намъ пришлось бы временно покинуть Манчжурію, они могутъ тотъ часъ же туда заступить въ качестве союзниковъ Японцевъ, и тогда Державы закрепятъ за ними это занятіе»* [Там же, д. 54, л. 401-402].

Данное изменение военно-политической обстановки в регионе привело к тому, что с самого начала боевых действий против японской армии русские войска вынуждены были сохранять часть сил для сдерживания китайской угрозы и в дальнейшем учитывать её в своих стратегических планах [7, с. 83]. Этот факт игнорируется частью исследователей «Русско-японской» войны [8, с. 169]. Обвиняя русское командование в ошибках, они не учитывают ни стотысячную китайскую группировку, ни безграничные китайские возможности японского мобилизационного ресурса, ни действительную численность японской армии, «ошибочно преувеличиваемую» Куропаткиным [10], хотя еще в дореволюционной историографии часть этих сведений была широко известна. К примеру, в работе военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны (1910 г.) прямо говорится: *«Присутствіе ихъ (китайскихъ войск) на границь Печелійской провинціи и Манчжуріи заставляло насъ въ первый періодъ войны... группировать часть силъ къ нашему правому флангу и отказать отъ высылки подкрѣпленій на восточный фронтъ арміи, гдѣ эти подкрѣпленія оказались бы весьма цѣнными»* [7, с. 83].

В дальнейшем в советский и постсоветский период эти сведения не принято было упоминать. В отличие от европейской школы, разборчивость советской историографии в выборе источников вполне понятна и была скорее продиктована идеологическими соображениями, что хорошо демонстрируют классические советские исследования военной истории: *«Главной причиной поражения была гнилость самодержавного строя... Русское военное командование показало свою полную неспособность руководить войсками в изменившихся условиях вооруженной борьбы»* [9, с. 143]. Сегодня нет никаких препятствий для более объективного и полного изложения исторических событий и публикации источников в необходимом объеме, что, конечно же, кардинально меняет понимание событий Русско-японской войны.

К началу марта 1904 г. были выявлены факты военной контрабанды Китая, поставляющего Японии в Корею различные продукты питания, в том числе большие объемы риса, зерна и муки. При этом со стороны Поднебесной осуществлялась блокада ввоза продовольствия в Маньчжурию [3, д. 54, л. 13].

К 22 марта было обнаружено новое нарушение нейтралитета Китая при оказании помощи японскому военно-морскому флоту. Неожиданно выявилось наличие достаточно тесного взаимодействия флотов двух азиатских империй. Японцы активно пользовались китайской военно-морской инфраструктурой. Их крейсера открыто заходили и загружались припасами в порте Шанхая, бухте Шантунь-Промонтори (где вели активную строительную деятельность, получая при этом стройматериалы для своей работы из Чифу), бухте Лун Мынь (находилась между Чифу и Вей ха веем) [Там же, л. 77-78]. Использование этих баз позволяло Японии контролировать Порт-Артур с моря, неся минимальные экономические затраты. Нарушения нейтралитета Китая в пользу Японии в таком объеме скрыть было уже невозможно. Генерал-адъютант М. В. Алексеев писал в своем донесении императору: *«Японский крейсер "Мацушина" в полномъ вооруженіи продолжаетъ стоять въ Визунге, близъ Шанхая, принимаетъ припасы, увольняетъ съ борта команду, не вызывая никакихъ протестовъ со стороны Китая»* [Там же, л. 86].

В этот период времени непростая военно-политическая ситуация сложилась в районе города-порта Инкоу. Сам город переводился в военное положение, и было очевидно, что данный пункт станет одной из основных целей японской агрессии. Разведка ВМФ Российской империи 23 марта получила сведения о планах переброски четырех крейсеров к Инкоу под командованием китайского адмирала. Войска Поднебесной и на суше, и на море проводили концентрацию своих сил в районах предполагаемых ударов японской армии, что привело к вынужденному распылению подразделений русской армии и позволяло Китаю вступить в войну на стороне Японии в случае явного перевеса сил в ее пользу. В данной ситуации война на два фронта для Российской империи была невыгодна. В связи с этим ее руководство пыталось решать «китайский вопрос» дипломатическими методами, дополнительно стягивая для предупреждения китайской экспансии ограниченный воинский контингент. М. В. Алексеев писал: *«Прошу заявить китайскому правительству, что ихъ появленіе, будетъ сочтено нами враждебнымъ действиемъ, и никоимъ образомъ крейсера допущены (в Инкоу) быть не могутъ. Входъ въ Ляо предположено загородить минами»* [Там же, л. 89].

Николай II отправляет в Пекин действительному статскому советнику П. М. Лессару следующее распоряжение: *«По Высочайшему повеленію, Вамъ следуетъ самымъ энергичнымъ образомъ воспротивиться осуществленію намеченія Китайскаго Правительства отправить въ Инкоу четыре крейсера о чемъ вамъ сообщалось въ телеграмме наместника отъ 10 марта»* [Там же, л. 106].

Непрекращающееся стягивание китайских войск к северу, к линии соприкосновения с русскими военными коммуникациями в Маньчжурии, усугублялось наличием в этих частях японских инструкторов. По этому поводу Николай II писал следующее: *«Вполнѣ подтвердившееся допущеніе Китаемъ японскихъ инструкторовъ въ корпусъ генераловъ Ма и Юаньшикая, едва ли отвечаетъ неоднократнымъ заявленіямъ Пекинскаго Правительства о желаніи сохранить дружественные съ Россіей отношенія и, конечно идетъ въ разрѣзъ съ принятыми обязательствами не иметь иностранныхъ инструкторовъ въ войскахъ, расположенныхъ на севере, къ которымъ нельзя въ настоящее время причислить и стянутые изъ Бао-динь-фу военные части»* [Там же, л. 197]. Китайское правительство приняло данные протесты к рассмотрению, и, действительно, через некоторое время японские подданные были частично удалены с занимаемых должностей в китайской армии, но эти меры носили временный характер.

Страна восходящего солнца намеревалась предпринять широкомасштабную высадку своих войск на материк. В ее стратегические планы входило уничтожение железнодорожных коммуникаций, связывающих основные промышленные и экономические центры России с территорией потенциальных военных действий в Маньчжурии. Наиболее удобной базой для заброски диверсионно-разведывательных групп (ДРГ) являлась «нейтральная» территория центрального Китая. Диверсионные группы формировались из японских граждан, проживающих в Пекине и северо-восточных частях Китая, внедренных на эту территорию задолго до начала войны. Эти люди формально занимались торговлей, преподаванием и обучением в китайских вузах, носили традиционную китайскую одежду и внешне старались не отличаться от местного населения. Командный состав данных подразделений состоял из военнослужащих, заброшенных уже после начала военных действий. Руководили ДРГ офицеры в звании не ниже полковника и капитана.

С учетом массовости данной программы и начала ее осуществления задолго до 1904 г. японское командование действительно делало серьезную ставку в этой войне на уничтожение логистики вероятного противника. Для эффективной работы ДРГ требовалось добиться согласия и помощи китайских властей, что и было осуществлено. 30 марта в районе станции Мурзиха разезд под командованием поручика Шваненбаха захватил первую крупную японскую диверсионную группу, направлявшуюся из Пекина для разрушения русских железных дорог [Там же, д. 55, л. 40]. Это подразделение под командованием полковника Йошика и капитана Оку [Там же, л. 184] двигалось на лошадях и верблюдах колонной через весь Китай, груженное взрывчаткой (пироксилином), капсулами-детонаторами, ящиками с бикфордовым шнуром, инструментом для порчи железных дорог. При них также были найдены подробные карты Маньчжурии, Монголии, Кореи и записные книжки со шпионскими сведениями. Группа была вооружена винтовками системы Маузера [Там же, л. 40]. При задержании пленные японские офицеры подробно изложили цели и задачи подразделения. Прохождение из столицы Китая такой воинской колонны без помощи властей явно являлось делом затруднительным. Действительно, вскоре были выявлены еще восемь ДРГ, но уже с официальными документами от китайских властей о содействии (Предписание мукденского Дзян-Цзюна князю Удаю) при прохождении японскими подразделениями территории империи Богдыхана [Там же, л. 183].

Одновременно с этим из Пекина также перебрасывались значительные партии граждан Японии в китайской национальной одежде на север в Ургу и Кяхту для диверсий на железной дороге в Сибири [Там же, л. 58],

но, благодаря оперативной работе сотрудников МИДа, сведения об их перемещении вовремя поступили в военное ведомство, и подобные категории граждан останавливались и брались под контроль органами пограничной стражи. К 13 апреля русской разведкой в Пекине была выявлена основная часть потенциальных японских ДРГ, сформированных в начале войны для заброски с этого направления в Маньчжурию. Действительный статский советник П. М. Лессар докладывал императору следующее: *«Ссылаясь на Вашу телеграмму сообщая, что, по имеющимся сведениям из Пекина выехало более ста японцев с целью разрушения китайской железной дороги, и что, каждому из них назначен определенный район действия»* [Там же, л. 94].

Серьезные потери в кадровом составе разведывательных служб привели японское командование к мысли о необходимости массовой вербовки разведчиков среди местного населения. В марте начинается плановая открытая вербовка китайских граждан на территории, непосредственно прилегающей к зоне боевых действий [Там же, д. 56, л. 48]. В апреле 1904 г. данные мероприятия принимают массовый характер и проводятся в нескольких областях Китая. В японскую армию начинают принимать китайцев и монголов, в том числе и в строевые части. Генерал-адъютант М. В. Алексеев писал по этому поводу следующее: *«Изъ разныхъ источниковъ заслуживающихъ доверія, продолжаютъ вновь поступать сведения, что японцы вербуютъ на службу партіи хунхузовъ, по видимому съ целью нападенія на нашу границу. Японскіе генералы и офицеры которымъ поручено это дело, свободно разъезжаютъ въ районе къ западу отъ Ляо хе и, хотя Китайское Правительство съ формальной стороны запрещаетъ эту вербовку, но не принимаетъ никакихъ меръ, чтобы воспрепятствовать. Въ такомъ не прекращающемся попустительстве Китайскаго Правительства, предоставляющего японцамъ свободу действия въ ближайшемъ соседстве съ райономъ войны, выражается слишкомъ дерзкое нарушеніе нейтралитета, что не можетъ быть нами оставлено безъ серьезнаго вниманія»* [Там же, д. 57, л. 57].

С августа 1904 г. китайские власти начинают оказывать помощь «японским военкоматам», приглашая потенциальных военнослужащих из отдаленных районов Китая, в которые японские вербовочные команды сами прибыть не могли [Там же, д. 59, л. 36]. То есть на седьмом месяце войны, после первых серьезных потерь под Порт-Артуром и Ляояном, японская армия начинает проводить совместно с китайскими властями практически неприкрытую частичную мобилизацию местного населения. При этом ни в какую отчетность по потерям убитые японские военнослужащие китайской и монгольской национальностей не входили. Служили китайцы в японской армии по контракту. Китайский офицер в строевых частях получал в пересчете на русские деньги 18-20 рублей, рядовой китаец – 13 рублей в месяц [Там же, д. 63, л. 147]. Для того времени это были значительные суммы, но англо-американские кредиты делали возможным для Японии нанимать значительные контингенты. Тем более что жили эти «рабочие воины» недолго, а мобилизационные ресурсы Ямато становились от этого практически неисчерпаемыми.

К апрелю 1904 г. российские дипломаты были хорошо осведомлены о том, что на театре военных действий разведывательные, саперные и обозные части японской армии укомплектованы в значительной мере китайцами [Там же, д. 59, л. 231]. Удивление и протест эта информация не вызывала по причине того, что данные подразделения были нестроевыми (при статистических подсчетах японская сторона также пользовалась цифрами преимущественно строевых частей, в то время как Россия включала саперные, обозные, казачьи и охотничьи команды в общее число войск).

В августе 1904 г. японцам удалось завербовать несколько достаточно крупных группировок хунхузов, которые также были переправлены на северо-восток страны в район потенциальных боевых действий. Среди них особенно русская разведка выделяла группировки Дулишана и Финленчена. Общее же количество банд хунхузов, готовых поддержать действия японской армии, могло насчитывать в районе Маньчжурии несколько десятков тысяч [Там же, д. 58, л. 276]. В районе Кантона генерал-майором Макамурой был открыт крупный учебный центр для китайских новобранцев. Среди инструкторов русская разведка особо выделяла полковника Хиоду и поручика Мацудаиру [Там же]. Центр выпускал за курс по 2000 солдат для прохождения службы в Маньчжурии. Японские солдаты этого центра должны были действовать под видом хунхузов и передавались хунхузским группировкам для их поддержки [Там же, л. 324-325].

Понимая, что разрозненных банд может быть недостаточно, Япония заключала также соглашения с действующими частями китайской армии. По сведениям русской разведки, на службу Ямато перешли подразделения китайской пограничной стражи, расквартированные в районе Ляохе и входящие в корпус генерала Ма. Их численность не превышала 10-15 тысяч. Но это были опытные солдаты. Оплата за работу была сдельной: сто долларов – убитый русский, двадцать долларов – правильное сведение [Там же, д. 55, л. 148].

19 августа данное соединение китайской армии оставило свое место службы и «самостоятельно» отдельными подразделениями двинулось на запад через территорию Монголии для сосредоточения в районе Харбина [Там же, л. 161]. Очевидно, что без ведома китайских властей подобные «коммерческие операции» проведены быть не могли. Все эти проявления японо-китайской дружбы в совокупности должны были оказать влияние на ход боевых действий. А. Б. Широкоград, рассматривая итоги сражения под Ляояном, констатирует следующее: *«У японцев не было ни сил, ни свежих частей. Пользуясь громадным численным превосходством, генерал Куропаткин мог бы развить свою наступательную операцию и сбросить армию генерала Куроки в реку Тайндзихе»* [10, с. 269]. В действительности этого не произошло, так как фактическая помощь Китая войскам Японии и их стратегическое положение данное «громадное численное превосходство» полностью нивелировали. Без этого фактора понять действия главнокомандующего русской армии действительно сложно. А. Б. Широкоград предлагает иррациональное объяснение сложившейся ситуации: *«Но дух командующего Маньчжурской армией уже был надломлен, воля к победе покинула его, и он отказался от дальнейшей борьбы»* [Там же].

Справедливости ради нужно отметить, что японцы первоначально соглашались далеко не на все китайские предложения. В первые месяцы войны их сильно настораживали моральные качества и подготовка китайских солдат, в связи с чем они, по данным русской разведки, в начале кампании не приняли несколько выгодных предложений генерала Юаншикая [3, д. 59, л. 231]. Японцы берегли деньги и там, где могли справиться своими силами, предпочитали не прибегать к посторонней помощи. Тем не менее империя Ямато начала широко использовать китайский мобилизационный ресурс уже на четвертый месяц войны.

Ноябрь 1904 г. стал решающим для японо-китайского сотрудничества. Дело в том, что уже в августе 1904 г. социально-экономическое состояние японского общества было удручающим. Русская агентура в Японии описывает следующую ситуацию: *«При поезде внутрь Японии Бале констатируется начинающееся всеобщее разорение. Мелкая торговля уже почти не существует. Даже в больших городах целые торговые улицы почти опустылены, лавки закрыты, жители выехали в деревню. Крупные предприятия также прекращают деятельность»* [Там же, л. 121]. Кроме громадных и тщательно скрываемых потерь убитыми, больными и ранеными, японское правительство также замалчивало факты социального протеста части гражданского общества, выражавшегося как в прямом неповиновении властям, дезертирстве, так и в акциях прямого действия. В Японии летели под откос поезда и фиксировались случаи крупных поджогов [Там же, д. 60, л. 18]. Теперь призыву подлежали те категории, о которых ранее речь даже не шла.

Мобилизация территориальной армии в декабре месяце дала только 20 тысяч человек преимущественно 43–45 лет [Там же, д. 63, л. 74]. Призыв молодого пополнения дал 95 тысяч вместо положенных 45 (были призваны все больные, имеющие дефицит веса и призывники ранних возрастов) [Там же]. Следующий призыв должен был проходить в группах старше 45 лет. Биологический ресурс Японии был на пределе, а Порт-Артур стоял, и до Мукденского сражения было еще несколько месяцев. Ситуация с японским мобилизационным ресурсом определялась русским командованием следующим образом: *«Войска которые отныне будут отправляться из Японии на театр войны, уже не представляют из себя цынный боевой материал, состояя либо из подростков, несведующих в военном искусстве, либо из лиц уже преклонного возраста»* [Там же, д. 60, л. 149].

В японской армии возникли серьезные проблемы с обмундированием даже для рядового состава [Там же, д. 61, л. 290]. 11 октября в Токио созывается экстренное совещание под председательством генерала Тераучи по поводу затруднений при призыве и обмундировании новобранцев [Там же]. С этого момента с учетом высокой интенсивности боевых действий Япония больше не могла в полной мере маскировать в свою форму «китайский контингент», что естественным образом вскоре привело к возникновению форс-мажорных обстоятельств.

В декабре японское командование вынуждено было отказаться от формирования отдельной 40-тысячной армии для обороны Кореи [Там же, д. 63, л. 74].

7-я японская дивизия вместе со всеми дополнительными резервами, предназначенными для корейского театра военных действий, практически в полном составе легла под Порт-Артуром. В живых из боев вышло меньше половины [Там же]. В японских войсках под Порт-Артуром началась эпидемия тифа. Действительный тайный советник А. И. Павлов в секретной телеграмме из Шанхая от 8 декабря 1904 г. докладывал следующее: *«По достоверным сведениям в армии Оямы тиф принимает угрожающую размаху. Также большой надеждой лошадей»* [Там же, л. 73]. Появились стихийные протесты частей, не желавших идти на минные поля под русские пулеметы. При этом интенсивность боев к югу от Мукдена и под Порт-Артуром не снижалась.

В Японии ясно стали осознавать нехватку мобилизационного ресурса для ведения боевых действий высокой интенсивности на таком широком театре боевых действий. Это же осознавали китайские генералы и члены правительства империи Богдыхана, понимая, что их помощь Японии была уже столь велика и очевидна, что в случае быстрого разгрома Империи восходящего солнца Россия может объявить о вхождении в ее состав территории Маньчжурии. В связи с этим китайский генералитет был кровно заинтересован в выживании японской армии на своей территории. Правительство Китая в декабре уже не сомневалось в падении Порт-Артура, но при этом, в отличие от многих европейских аналитиков, ясно осознавало, что это только начало войны.

В декабре 1904 г. русская разведка перехватила зашифрованную телеграмму генерала Юаншикая князю Цину следующего содержания: *«Видно, что Россия не желает прекратить дело на половине и готова к продолжительной войне. Положение Японии очень тяжелое, ибо трудно пополнять потери. Важно не допустить полного поражения Японии и сопряженной с этим потерей Китаем Маньчжурии. Необходимо послать взытия Японцами Артура выдвинуть за Шанхайгуань все наши наличные войска из Чжили. Тогда иностранные Державы непременно выступят с посредничеством, и Россия вгрозно, согласится вступить в переговоры. Нам необходимо требовать, чтобы наша власть была сохранена в Маньчжурии. Военные издержки обоих государств не должны быть уплаченными Китаем из доходов Маньчжурии»* [Там же, л. 101]. Генерал Юаншикай был достаточно осведомленным политиком, и рядом с ним постоянно находились не только японские агенты, но также представители США. Судя по тексту телеграммы, он был в курсе начала формирования в ноябре месяце тайного англо-американо-японского союза [Там же, л. 46]; и в случае открытого перехода на сторону Японии надеялся на поддержку всей коалиции.

В середине декабря китайские подразделения были обнаружены в соприкосновении с русской армией практически на всех фронтах. Вынужденное отсутствие у многих из них японской формы сделало их дебют на театре войны достаточно колоритным зрелищем. 20 декабря китайские части активно начинают действовать в составе японской армии против левого фланга генерала А. Н. Куропаткина южнее Мукдена. Воевали китайцы под командованием старших японских офицеров. Китайские офицеры имели звание не выше сотника и взводного [Там же, л. 147]. В случае пленения называли себя хунхузами.

Чуть ранее на Тайпинском перевале позиции русской армии были атакованы сводным японо-китайским соединением в количестве 500 человек. Из них 200 были японцами, а 300 – китайцами, одетыми в штатные китайские мундиры серого цвета. При контратаке были захвачены и доставлены в ставку в качестве образцов 7 трупов китайских солдат в форме 1-й, 2-й и 6-й сотен китайской милиции [Там же, л. 142]. В это же время было обнаружено, что на китайских островах Мяо Дао, блокирующих подходы к Порт-Артуру, расположена крупная японская военно-морская база, обеспеченная китайской логистикой, при этом все гражданское население с этих островов было выселено [Там же].

Середина декабря 1904 г. была ознаменована открытым вступлением части китайской армии в войну с Российской империей в составе строевых частей японских вооруженных сил. Одновременно с этим Китай начинает осуществлять серьезные денежные вливания в военный бюджет Японии. Китайские банки полностью скупают облигации четвертого внутреннего займа Японии на сумму 100000000 иен. Посредством китайских торговцев в этот же период времени японскому правительству была выдана сумма в 200000 иен [Там же, д. 65, л. 96]. Кроме обеспечения японской армии провиантом, фуражом и стройматериалами, китайское правительство начинает осуществлять крупные поставки чугуна в Японию с ханьянских заводов [Там же, д. 63, л. 219].

23 декабря китайские власти впервые производят захват на своей территории крупного транзитного военного груза. Китайцами было задержано 3 миллиона патронов, перевозимых в Порт-Артур. Данная акция была предпринята в решающий момент штурма крепости и имела как серьезный психологический эффект, так и являлась солидной военной помощью армии генерала Ноги. Министерство иностранных дел Российской империи потребовало немедленного возврата груза, предназначенного «охранным отрядам РЖД», но китайское правительство также впервые открыто поддержало акцию Юаншикая, отказав российскому послу в Пекине в его требованиях, еще более обострив ситуацию.

В этот момент у Российской империи уже было достаточно оснований для объявления войны Китаю в связи с явным нарушением этим государством своего нейтралитета, но тактические соображения делали этот шаг в тот конкретный момент невыгодным. Представитель российского МИДа в Пекине, действительный статский советник П. М. Лессар, анализируя возникшую ситуацию, писал следующее: *«Въ дѣлѣ нейтралитета Китая тайная помощь оказываемая Японіи, является во всякомъ случаѣ вопросомъ второстепеннымъ и едва ли сможетъ оказать существенное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Совсѣмъ иное значеніе имѣлъ бы переходъ Китая открыто на сторону нашихъ враговъ. Конечно, онъ не можетъ выставить много сколько-нибудь подготовленнаго войска. Столицу нельзя оставить безъ прикрытія, но все же затѣмъ Китай будетъ располагать для дѣйствія противъ насъ отъ 40.000 до 50.000 человекъ. Это значительный отрядъ, не говоря о томъ, что при этомъ будетъ неизбежно общее востаніе въ занятой нами части Маньчжуріи. Это именно тутъ могло бы сдѣлаться равносильно катастрофѣ, такъ какъ такое востаніе нельзя бы сравнить съ дѣятельностью шаекъ хунхузевъ, которыя появлялись до сихъ поръ и которыми ни разу не удавалось прервать наши сообщенія более какъ на нѣсколько часовъ»* [Там же, д. 65, л. 26].

Кроме обеспечения тыловых коммуникаций существовала еще одна серьезная причина, сдерживающая российские планы относительно Китая. После сражения в Желтом море в китайские порты было интернировано значительное количество российских судов, а их военные экипажи удерживались на территории Китая в нарушение договора 1898 г. В случае начала войны с Поднебесной все эти люди превращались в заложников. В Англии и Японии прекрасно это понимали и после захвата Порт-Артура первым делом предложили российской стороне разместить русских военнопленных на территории Китая, увеличивая тем самым количество интернированных в руках Поднебесной в момент возникновения сложной дипломатической ситуации.

То, что Российская империя сражается на полях Русско-японской войны не с одной Японией, и японская сторона реализует политические интересы всего азиатского региона, для современников этих событий было вполне очевидно и, более того, широко освещалось на страницах даже британской печати [11]. Некоторые английские издания в связи с этим считали позицию Британии в данном вопросе ошибочной, так как после войны усилившаяся Азия может не пустить ее на свои рынки, и в этом смысле чрезмерное усиление Востока невыгодно для будущего развития британской экономики [12]. Тем не менее в современной англоязычной историографии данный факт предпочитают игнорировать. К примеру, М. Кристофер в своем исследовании, анализируя причины японских побед в 1904 г., сводит их исключительно к внутренним проблемам русского общества: *«Фактом же остается то, что русская социальная и военная система находилась в упадке. Кроме того, русские страдали от прошлых ошибок и недомыслия, затруднявшего им снабжение армии с самого начала войны»* [5, с. 115].

С конца декабря 1904 г. китайские войска начинают открыто насыщаться японскими инструкторами, и уже не только в армии генерала Юаншикая. Данное явление приобретает всеобщий характер. 23 декабря, после взятия Порт-Артура, японцы проводят переговоры с китайскими властями о дополнительном содействии в наборе китайского контингента в японские резервные части подкрепления. Также на этих переговорах решался вопрос о закупке Японией при посредничестве Китая 210 крупновесных орудий [3, д. 63, л. 196]. Николай II, понимая сложность политической ситуации и анализируя тенденции в развитии китайско-японских отношений, начинает готовить дипломатическое прикрытие для нанесения удара по Пекину. В данной ситуации подобный исход дела был бы для Российской империи крайне невыгоден, но все же при явной необходимости такого шага дипломатическое ведомство желало оставить за русской армией право нанесения первого удара.

29 декабря из Царского села отправляется циркулярная телеграмма российским представителям за границей, в которой после подробного перечисления списка нарушений Китаем своего нейтралитета в отношении Российской империи заявляется следующее: *«Из полученныхъ нынѣ сообщеній видно, что китайцы,*

не довольствуясь простыми нарушениями нейтралитета дѣлают серьезныя приготовления, повидимому для активнаго вмѣшательства в военныя дѣйствія. Въ народѣ господствуетъ и поддерживается весьма опасное для всѣхъ европейцевъ возбужденіе. А посему Россія, въ случаѣ продолженія нынѣшняго положенія вещей, вынуждена будетъ разсматривать этотъ нейтралитетъ лишь съ точки зрѣнія своихъ интересовъ» [Там же, л. 263]. То есть Российская империя уведомила все страны о том, что с 1905 г. она снимает с себя обязанность воспринимать китайскую сторону как нейтральную и в случае необходимости готова нанести превентивный удар по Пекину как явному союзнику Японии. В письмах действительному статскому советнику П. М. Лессару Николай II был менее дипломатичен и более откровенен. 26 декабря он писал следующее: «Ни одно изъ нарушеній Китаемъ нейтралитета или иныхъ недружелюбныхъ поступковъ не упущено нами изъ виду; Ныне вопросъ сводится лишь къ тому, чтобы спокойно и обдуманно выбрать средства и подходящую минуту для соответствующаго возмездія» [Там же, л. 228].

В тот момент выгодная тактическая пауза для России еще не наступила, и «марлезонский балет» как с русской, так и с китайской стороны продолжался, но основные акценты политики Николая II в Азии до 1917 г. были определены именно в декабре 1904 г.

В заключении статьи на основании изложенных фактов можно прийти к следующим **выводам**. К концу 1904 г. окончательно расставляются акценты в русско-китайских отношениях. В создавшихся условиях империя Богдыхана была вынуждена полностью раскрыть свои военно-политические планы. Действия ее административного аппарата, армии и флота привели Российскую империю и Китай на грань прямого вооруженного конфликта. С другой стороны, в условиях Русско-японской войны такой сценарий развития событий был крайне невыгоден обеим сторонам. Несмотря на то, что Китаем было продемонстрировано вероломное нарушение договора 1898 г., способствовавшее уничтожению русского флота, китайские вооруженные силы косвенно и напрямую участвовали в Русско-японской войне, территория Поднебесной превратилась в мобилизационную базу японской армии, а ее экономика активно работала на поддержание обороноспособности Японии. МИД Российской империи тем не менее из военно-стратегических соображений пытался всеми силами остановить процесс скатывания к полномасштабному русско-китайскому военному конфликту. В этой ситуации Китай создавал видимость нейтралитета, но возможное поражение Японии на сухопутном театре могло привести Поднебесную к утрате части ее территорий, вследствие чего прекратить оказание помощи Японии она также уже не могла. Разрешение данного казуса целиком и полностью зависело от результатов военной кампании 1905 г. Степень вовлеченности экономики Китая, ее вооруженных сил, мобилизационного ресурса в боевые действия «Русско-японской» войны описываемого периода была настолько высока, что, несомненно, являлась серьезным фактором, повлиявшим на результаты кампании 1904 г.

Список источников

1. Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Нартанг, 2006. 464 с.
2. Апушкин В. А. Русско-японская война 1904-1905 гг. М.: Образование, 1910. 215 с.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491.
4. АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485.
5. Кристофер М. Русско-японская война. 1904-1905. М.: Центрополиграф, 2003. 224 с.
6. Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904-1905. Итоги войны. СПб.: Полигон, 2003. 493 с.
7. Русско-японская война 1904-1905 гг.: работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны: в 9-ти т. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1910. Т. I. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне. 857 с.
8. Спеваковский А. Б. Камикадзе. «Божественный ветер» в истории Японии. СПб.: Паритет, 2013. 448 с.
9. Строков А. А. История военного искусства: в 5-ти т. СПб.: Омега-Полигон, 1994. Т. 5. 711 с.
10. Широкопад А. Б. Русско-японские войны 1904-1945 гг. Мн.: Харвест, 2003. 720 с.
11. The real yellow peril // Times of India. 1904. 6 May.
12. The yellow peril // The Pioneer. 1904. 14 May.

Military-Political Cooperation of China and Japan in 1904

Kutsenko Boris Olegovich, PhD

Moscow

kutsenko.relig@gmail.com

The research objectives are as follows: to reveal specificity of China's policy in the period of the Russian-Japanese war, to identify the factors that influenced the country's political course and to evaluate the level of the Chinese military involvement in Manchuria in 1904. The article considers the issue of the Celestial Empire's political, military and economic assistance to Japan. The provided factual material shows clearly the influence of the Chinese military-economic policy on the course of the war in 1904. Scientific originality of the study involves analysing previously unpublished sources revealing China's influence on the course of the Russian-Japanese war. The research findings are as follows: the author identifies implicit factors that determined the Russian military strategy and tactics and highlights additional factors that promoted the Japanese military expansion in Southeast Asia.

Key words and phrases: China; Nicholas II; The Russian-Japanese War; The Russian Empire; Yuan Shikai.